

Bombyx Mori

*Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.*

И. Гёте "Фауст"

Всем нам, наследникам потерявшей хвост обезьяны, хорошо известен главный инструмент, благодаря которому наши предки смогли спуститься с деревьев, взять в руки палку, просверлить в камне дырку, изобрести колесо, генетически улучшить бананы и даже додуматься до фейсбука с инстаграмом. Мы называем этот инструмент "человеческим разумом", отдаем ему заслуженные почести и надеемся на бесконечное и плодотворное сотрудничество с природой, предоставившей нам во владение

когнитивную функцию... То есть, мы полагаем, что мы ею владеем, мы считаем себя ее хозяином. Однако на самом деле мы даже не арендуем её. В ранее опубликованной статье Free Play приводилась аналогия: наемная рабочая сила, пролетарий умственного труда. Но данная параллель, выраженная в категориях социально-экономических отношений, которые целиком заимствованы из человеческого мира, отдает изрядной долей искусственности, незаслуженно выделяя человека в особую группу среди прочих работников природного цеха производства и шлифовки когнитивного функционала. Поэтому мы подыщем ей другую — более натуральную, более естественную и указывающую человеку на его истинное место.

Конечно же, труженики в синих спецовках с бирками "*Homo Habilis*" (*Erectus, Sapiens*), не являются первыми и единственными наемными работниками в этом цеху — биоматериал гоминид расходуется природой с тем же прагматичным безразличием, с каким до него в тигель выплавки функций рефлексии были вброшены тысячи видов их эволюционных предшественников. В этой эстафете неизменна лишь бесконечная ротация участников. Однако дойти до финиша не суждено никому из них, и причина этому не в наличии у разума бесконечного потенциала развития, а в том, что данное эволюционное приспособление живых существ имеет такие же ограничения, как и биологические системы, которые обуславливают его существование и обслуживанию которых оно посвящено. Каждый из участников этой эстафеты является временным владельцем видовых предпочтений в эволюционной борьбе, которыми аппарат рефлексии награждает очередной совершенствующий его вид.

Подобные инструменты борьбы за выживание редко являются простыми механизмами, выполняющими лишь ту функцию, которая служит задачам выживания вида. Почти всегда они сопровождаются рядом побочных эффектов, комплексных системных феноменов, эмерджентных образований. Среди них в первую очередь стоит упомянуть феномен сознания, а также набор иллюзий, которые возникают на его почве. Одна из этих иллюзий состоит в наличии у сознающего себя субъекта устойчивого ощущения того, что способность к рефлексии — это принадлежащая ему "*частная собственность*", находящаяся в полном его распоряжении, главной и конечной задачей которой является обслуживание его личных интересов. Следствием этой иллюзии является популярный среди homo sapiens тезис, согласно которому каждый обладатель этой функции, трудясь на поприще ее совершенствования, совершает выгодный вклад, каковой для него самого или его потомков непременно окупится в некоей обозримой перспективе. Данная идея широко распространена в человеческой цивилизации, незначительно варьируясь под давлением культурных особенностей той или иной социальной среды.

Ввиду огромной эмоциональной привлекательности, присущей этому заблуждению, а также её роли в формировании т.н. "общеморальных ценностей", любой дискурс, в который вводятся подобные категории, обречен на предвзятость, так как основные составляющие этой темы оказываются табуированными. Чтобы преодолеть эти ограничения, нам придется абстрагироваться от сверхзадач, навязанных нам нашей витальной системой ценностей, и освободить мышление от сентиментальных паразитов, именуемых "*гуманизмом*" и "*человеколюбием*" с целью добиться такой степени хладнокровного анализа, который граничит с абсолютным нулевым пиететом к живому и к существующему. Попробуем примерить на себя хитон киника Диогена, хотя бы на время чтения этого текста.

За десятки веков эволюции система человеческих представлений об окружающем мире обзавелась концептами *объективной реальности*, существующей независимо от наблюдателя, и *референтной модели*, отражающей эту реальность в ментальном мире агента (подобно тому, как схематичная карта отображает территорию, а модель — прототип). Не меньше времени и усилий потребовалось для того, чтобы эта система смогла инкорпорировать в себя толерантную идею одновременного существования множества равноправных референтных моделей, лишенных претензий на исключительную объективность или единственно верное описание *реальности*. Это стало возможным после того как под понятием "реальность" перестали подразумевать некую изначально predetermined данность, неизменную, единую и однозначную, а также после того, как рудиментарная концепция, унаследованная нами от наивных представлений наших предков о сотворенном мире, оказалась полностью дискредитированной. Здесь надо признать, что многочисленные адепты этой порочной концепции до сих пор еще продолжают бороться за "незыблемость устоев", устраивая против ненавистного им релятивизма крестовые походы под знаменами идеи "*одной всеобщей объективно существующей Вселенной*", однако тщетность их усилий продемонстрирована неуклонным сокращением числа сторонников объективизма, наблюдаемым в течении последних десятилетий. Это свидетельствует о росте требований, предъявляемыми человечеством к той модели, которой оно пытается описать доступный ему мир, а также самого себя в нем. Что не может не радовать.

Такому развитию научных представлений и сопровождающих его зигзагообразным метаниям философской мысли постоянно сопутствовали неуклонное возрастание пietetа, с каким человек воспринимал свой аппарат рефлексии, и усиление того восторженного отношения к мыслительной способности, которая еще с подачи Аристотеля обрела у лучших представителей человеческой цивилизации статус священной коровы. Речь идет о фундаментальной аксиоме, согласно которой наш разум является инструментом познания Природы, призванным рано или поздно справиться с задачей тотального и поголовного благодетельствования всего человеческого рода. Естественно, именно эмоциональная привлекательность этой романтической идеи, ее иррационализм и — прежде всего — ее лубочная простота обусловили ее невероятную популярность в кругу обывателей и значительную поддержку, которую ей оказывают ее популяризаторы — гуманисты. Другими словами, эта идея наиболее распространена именно в тех группах населения, существование которых, скорее, ставит под сомнение успехи непредвзятой и свободной рассудочной деятельности, нежели свидетельствует о ее достижениях.

В предыдущем цикле в статье *postnatural* перечислялись причины, приводящие каждое обладающее сознанием живое существо к убедительному ощущению того, что именно *его собственный* вид представляет собой авангард эволюции, а также к выводу о том, что познавательный аппарат успешнее всего реализован именно в его соплеменниках. Источник подобных умозаключений находится не столько в эмоциональной склонности каждого теплокровного существа к самообольщению, сколько в том, что когнитивные механизмы по самой своей природе лишены каких-либо иных критериев оценки собственной функциональности, кроме тех, которые определяются задачей удовлетворения ими биологически обусловленных потребностей своего носителя (или родственников им). На этот раз мы коснемся этой темы под иным углом и попытаемся дать критическую оценку тем приспособительным функциям, которые составляют предмет нашей наибольшей гордости: аппарату мышления и механизму отражения во внутренних моделях окружающей нас реальности.

Для начала, в качестве иллюстрации собственного поведения, позволим себе некоторую вольность и допустим наличие у любого животного способности оценивать успешность решения задач, возникающих по ходу его жизнедеятельности, и осознавать плоды самореализации (т.е. оперировать моделями окружающего мира и себя в нем). Несложно будет представить, что дождевой червяк окажется ничуть не менее довольным своими навыками выживания под землёй (и самим собой в целом), чем охотящаяся за ним землеройка. Та, в свою очередь, не будет подозревать, что сова, стоящая на следующей ступени трофической цепочки, полагает вершиной природной эволюции свой собственный интеллект и морфологию... и так далее. Здесь, помимо проиллюстрированного тезиса, стоит обратить внимание на то, что для демонстрации ограниченности наших моделей мы оказались вынуждены прибегать к своего рода *нисходящей метафоре*. В сущности, это лишь следствие общей закономерности, согласно которой **ни один рационально действующий субъект не способен вычленил из явлений окружающего мира такую разумную деятельность, которая качественно превосходит его собственные познавательные способности или ориентирована на цели, лежащие вне концептуального пространства, сформированного его локальной мотивационной системой** (здесь речь идет не только о носителях разума, превосходящий наш собственный, но и о любых явлениях окружающего мира, имеющих своей основой разумную природу, которая выходит за наши представления о рациональности). Подобный коллапс оценочной системы мыслящего субъекта приобретает антропоцентрические масштабы, превращаясь в парадигму отношения к самому Разуму, когда речь идет о целой цивилизации: *"Я нигде не встречал никого умнее и лучше меня, а значит Разум — это то и только то, чем обладаю я сам"*. Гносеологическая несокрушимость этого вывода основана на элементарном логическом запрете включения большого в малое: объект, характеризуемый сложностью N , не способен без непоправимой редукции смысла вместить в себя образ (модель) какого-либо иного объекта со сложностью $N+1$. Поэтому ограниченный *homo sapiens* всегда прав — его слова значат лишь то, что ими сказано: недоступность для наблюдателя явлений, выходящих за границы, в которых лежит его собственная функциональность приспособляющегося животного. Конечно же, из этого отнюдь не следует отсутствие этих явлений самих по себе.

Томас Нагель в статье "Каково быть летучей мышью?", посвященной вопросам сознания, продемонстрировал принципиальную недоступность наблюдателю чужой референсной модели. Вне зависимости от уровня развития познавательных аппаратов донора и реципиента ни одна картина чьего-либо внутреннего мира не может быть передана другому без полной утраты тех качеств и нюансов, которые составляют ее главное содержание (интересующимся деталями рекомендую критику Д. Деннет в отношении идеи квалиа). Любая попытка описания и последующей передачи сущности своего внутреннего ощущения представляет из себя вторую производную (отражение отражения, вербальную модель ментальной модели), которая составляется из семантических элементов, имеющих чисто конвенциональный характер. При этом сами эти опорные элементы лишены опоры на самостоятельный референс, не обладают способностью воссоздать содержание ощущений и являются, в сущности, не более чем односторонними ассоциативными указателями на таковые. Даже самый опытный рыбак, изучивший все нюансы изготовления идеальных приманок для щук, никогда не узнает то, как эти приманки воспринимаются самими рыбами. Понимание двумя людьми друг друга ничуть не лучше и не глубже, чем понимание каждого из них кошки, мяукающей у холодильника. Мы настолько же далеки от воссоздания внутри себя репрезентативной картины мироощущения этого животного и его самовосприятия, насколько далеки от картины внутреннего мира даже самого близкого

нам человека. Все, на что мы способны — это освоить навыки по удовлетворению их желаний (настолько, насколько мы способны интерпретировать их экспрессию).

Для нас с вами это еще далеко не самые неприятные новости с референсных фронтов. Невозможность донесения внутреннего мира рефлекслирующего существа до всех тех, кто не является им самим, представляет собой не самый значительный недостаток познавательного аппарата. Данный аппарат оказывается столь же бессильным для решения им задачи самопознания и анализа собственной картины мира. Ни одно живое существо (будь то летучая мышь, дельфин, опоссум или примат etc...) не только не способно поставить себя на место других, но и равным образом лишено возможности оценить свое собственное место, понять, кем или чем оно является, в каком отношении к *реальности* находится его собственная репрезентация, какими конвенциями предопределены его собственные концептуальные составляющие и т.д. Это обусловлено тем, что субъект лишь полагает, что он произвольно оперирует собственной моделью, *эксплуатируя ее*, в то время как на самом деле он сам целиком и полностью *находится внутри нее*, заперт в ней, намертво фиксирован рамками её семантического пространства. За пределами этой карты, хаотичное ориентирование внутри которой воспринимается нами как проблески рефлексии, не существуем ни мы сами, ни то, что составляет наш концепт "*окружающего мира*". В то же время автономность и замкнутость семантики этой модели исключают какие-либо попытки ее интерпретации извне, а внутри её интроспектор довольно быстро оказывается наедине с гёделевским принципом неполноты.

Из всего вышесказанного отнюдь не следует вывод, что весь мир — иллюзия, или что за нашими бесчисленными моделями Природы нет ничего. Хотя в некотором смысле это именно так — статус *существования* имеют лишь эти самые модели. Но сам этот статус так же конвенционален, как и их содержание. Разница лишь в уровне концептов, формирующих эти конвенции. Сам факт наличия у живых организмов множества персональных "карт", навигация по которым способна осуществляться со взаимной корреляцией, свидетельствует о том, что в их фундаменте должна лежать некая единая канва (не имеющая ничего общего с понятием *существующей* реальности), которая бы позволяла формироваться в качестве локальных производных множеству "территорий" с одинаковым экзистенциальным статусом (при том, что ни один из "владельцев" этих референсных моделей, описывающих данные территории, не имеет представления о самой канве, равно как о картах остальных субъектов, которые вместе с ним "ориентируются" на той же "местности"). Для совместной игры, использующей такие карты (модели реальности), совершенно не требуется понимание персонального содержания моделей и их связи с прототипом (и, тем более, осмысления механизма их формирования), достаточно лишь, чтобы ваши партнеры наделяли эти карты *функционально эквивалентными* игровыми значениями, что и вы. Например, ваш партнер в покер может быть совершенно не знаком с понятием цифр или масти — для успешной игры ему достаточно оперировать сводом выигрышных комбинаций задействованных в карточной игре символов, каждый из которых он может наделять таким смысловым содержанием, каким ему угодно.

Первоначально темой этой статьи была выбрана трудность преодоления границ самоидентификации. Однако очень скоро поставленный вопрос сместился в область поисков таких фундаментальных единиц семантического пространства осознающих себя субъектов, которые позволили бы наделять сугубо внутреннее ощущение самости свойством трансферентности. Последнее не следует путать с экспрессивностью, которая является производной, передаваемой в ходе коммуникации, опирающейся на множество ситуативных зависимостей, конвенционально связанной и модулированной

предварительными ожиданиями реципиента. Согласно приведенным выше рассуждениям, такая **трансферентность содержания сознания принципиально недостижима**. Полноценно ощутить себя в чьей-либо роли может лишь тот, кто уже является этим объектом, но никем и ничем другим. Из этого следует, что на вопрос: "Что такое быть кем-то или чем-то?" никто никогда не сможет получить ответ, даже если в качестве "кого-то" фигурирует он сам. Здесь опять имеет смысл процитировать Нагеля: "*Чем меньше наше описание зависит от человеческой точки зрения, тем оно объективнее*". Становится понятным, что за этим, в сущности своей, тавтологией, стоит куда больший смысл, чем могло показаться раньше. Поэтому, учитывая вышеизложенное, мы можем считать себя вправе дать ответ на следующие вопросы: "*Возможно ли для познающего живого существа абстрагироваться от своей сущности приспособляющегося животного? Есть ли у него шанс выйти за рамки той системы репрезентации, которая ему навязана морфологией, онтогенезом и фенотипическими чертами, приобретаемыми в ходе личного опыта? Сможем ли мы когда-либо узнать, каково **не быть** человеком?"* Ответ: нет.

Приходится признать, что картина реальности, которую выстраивает человеческий разум, всегда будет представлять собой функцию антропоцентрической проекции, и для решения задачи самопознания оказывается непригодной вообще. Это и неудивительно — она не предназначалась для таких целей. Удобная и простая модель чего-либо, позволяющая оперировать ею с целью извлечения пользы из функционирования в том или ином контексте, отнюдь не призвана раскрывать внутреннее содержание этого контекста, равно как не обязана отражать соотнесенность персональной модели с другими (здесь в качестве литературной иллюстрации рекомендую ознакомиться с ранее опубликованной "Рецензией на повесть..."). Для агента, оперирующего данной моделью, достаточно, если она функционально адекватна в аспекте удовлетворения его локальных нужд. Потребности любого живого существа ограничены задачей выживания, которая, в свою очередь, сводится к поискам оптимальных реакций для ответов на вызовы окружающей среды — при том, что осмысление содержательной части этих вызовов может быть очень далеко от любой альтернативной (и при этом не менее успешной в ином контексте) модели. *Реальностью* становится картина, которую составляют статистически закрепившиеся паттерны реагирования — не только раздробленные по внутривидовой специфике, но и внутри нее значительно варьирующиеся под влиянием социально-культурных критериев.

Приведем несколько примеров: геоцентризм Птолемея, популярный среди самых отсталых слоев населения креационизм, дуализм Декарта и прочие бесплодные концепции — все они доминировали на протяжении подавляющей части истории эволюции человеческого разума и неплохо себя чувствуют даже в условиях современного мира (хотя их ареал, безусловно, значительно сузился). Критерий "релевантности внешней по отношению к наблюдателю истине" совершенно неприменим для оценки модели, которую формирует и внутри которой существует вид *homo sapiens* (считаю, что более правильным был бы иной термин: *человек разумно приспособляющийся* — в нём отражена сервильность функции разума и его ограниченность в данном агенте развития). Пантеон дохристианских богов и полубогов Древнего Рима, домовые и лешие ранних славян, средневековые трактаты о методах определения ведьм — все они создавали контекст, обладающий таким экзистенциальным статусом, который ничуть не уступал реальности контекста, сотворенного на идеях Просвещения и принципах гуманизма, или того, что выросло на почве идеи "*безапелляционного равенства полов*", обильно удобренной гумусом "*толерантности без границ*". Способность к гибкому и самоотверженному приспособлению к любым канонам формирования картины *реальности* наш вид

довел до небывалых высот. Как результат — вместо того, чтобы освободиться от биологических вериг, мы раскрашиваем их узорами, покрываем позолотой и объявляем их своей высшей наградой и безусловной ценностью. Очевидно, что до тех пор, пока наше мировосприятие ограничено рамками парадигмы выживания, не может быть и речи о каких-либо претензиях разума на выход за пределы его приспособительных функций. Но в то же время, никакой иной парадигмы у живого существа, у *существующего организма* быть не может.

Дуалист Декарт польстил разумным млекопитающим, утверждая наличие в каждом из них некоей *думающей субстанции, самости*. Формула "cogito ergo sum" априори подразумевает существование *владельца* мысли, наделяя этим статусом того, от лица кого это высказывание осуществляется: "мыслю, следовательно существую". Стоит лишь исключить первое лицо единственного числа, приведя сентенцию к нейтральной форме: "*из факта наличия некоего образа, возникающего по ходу производства когнитивных процессов, должно следовать, что этому образу соответствует реально существующий прототип, недоступный ни для кого больше и необнаружимый каким-либо иным способом*", как начинает просматриваться механизм той ловушки, в которую попало осознающее себя животное. В сущности, эта сентенция не говорит ни о чем, кроме как о наличии у части млекопитающих, склонных к периодическим всплескам сознательной деятельности, особого рода ощущений, сущность которых они ни выразить, ни понять не в состоянии. Аналогичное *ощущение* (или образ, модель, комплексный мета-статус) может наличествовать в любом компьютере, занятом вычислительной деятельностью — например, определенная конфигурация электромагнитных полей вокруг южного моста на материнской плате в совокупности с геометрией распределением тепла вдоль остальных ее узлов вполне могут быть названы "*особым ощущением, возникающим исключительно в определенные моменты мышления*". Учитывая тот факт, что все современные вычислительные устройства давно уже обладают механизмами мониторинга состояния своих элементов, мы можем с полным правом утверждать, что они обладают *сознанием*, сопоставимым с нашим собственным.

Здесь главное значение имеет не релевантность ощущения чему-либо (кстати — *чему* в данном случае оно может быть релевантно?), а отношение к нему того агента, в котором оно реализуется. Например, в бредовом состоянии или под воздействиями наркотиков легко себя вообразить мыслящим столовым прибором (например, знаменитым расселовским чайником, летающим на промежуточной орбите между Землей и Марсом) и из факта этого ощущения сделать вывод о том, что данный предмет *на самом деле* является владельцем этого ощущения. Сторонники *квалиа* и *самости* на это могут возразить, что истинное "Я" расселовского чайника на самом деле имеет подлинно существующего владельца — человека, пребывающего в состоянии помутненного сознания. Но тогда оказывается, что **содержательная ценность всех возможных "Я" эквивалентна друг другу и равна нулю.**

Например, в истории болезни маньяка может быть записано, что он — Иван Сидоров, который считает себя Наполеоном. Каков экзистенциальный статус "Я" *Сидорова-Ивана* в сравнении со статусом "Я" *Сидорова-Наполеона*? И чем они отличаются от экзистенциального статуса "Я" врача, считающего себя лечащим?

Статус существования любого "Я" или какой-либо иной "сущности", стоящей за подобными ощущениями, ничуть не более реален, чем статус мыслящего декартовского индивидуума. Одна из причин этой иллюзии заключается в том, что Нагель называет "*легкостью описания и недостатком дистанции*". Здесь мы приходим к аналогии, которая настолько же хорошо отражает нашу эволюционную роль и подлинный природный статус *homo sapiens*, насколько первоначально может

показаться неприемлемой: **торжество разумных гоминид, упивающихся своими эволюционными успехами, подобно торжеству червячков тутового шелкопряда на шелковичной ферме**, которые размножаются и роскошествуют в благоприятных для них условиях, самоутверждаясь фактом того, что рацион их личинок с каждым поколением улучшается, но не осознавая при этом, что ни они сами, ни их потомки, ни их способность к *"тонкому чувствованию вкуса шелковичного дерева"* не имеют абсолютно никакой ценности, а сами они своим существованием обязаны исключительно востребованности побочного результата своей борьбы за выживание — шелковичной нити, которую они продуцируют при самовоспроизводстве. Кокон тутового шелкопряда — та единственная причина, которая обуславливает его существование на шелковичной ферме. Его саморазвитие продолжается ровно до той поры, пока он способен совершенствовать их создание, но не дальше того момента, когда для получения шелка будет обнаружен новый технологический процесс (или производящий агент). Едва он исчерпает свой потенциал в данном аспекте, как на ферме наступит фаза стагнации, после чего шелкопряд остановится в развитии (хотя сам он этого никогда не заметит). В данном аспекте (прошу заметить — являющимся наиболее важным для самоидентификации человеческой расы) вид *Homo Sapiens* ничем не отличается от вида *Bombyx Mori*. Как и все прочие виды предшественников, принимавших до него участие в эстафете совершенствования когнитивной функции. Как и те, которые уже успели принять эстафету после него.

Естественно, над нашим видом нет никакого "владельца шелковичной фермы", за исключением самой Природы. Но это ничего не меняет, во всем остальном параллель достаточно близка. Ни представить себе всё многообразие конечных способов употребления *шелковой паутины*, ни осознать тот факт, что она может быть востребована кем-либо ещё, ни даже предположить то, что способен существовать какой-либо иной бенефициант от процесса жизнедеятельности "великолепно приспособившихся червячков", наш *bombyx mori* не в состоянии. Для каждого из представителей этого вида любые выделения его *паутинной железы* являются реализацией той функции, которая служит наивысшей цели в его локальной системе ценностей: обеспечение и приумножение его потомства, а также защита его от окружающей среды. На этом мотивация тутового шелкопряда исчерпывается, как и положено животному. Любое функциональное качество, которое временно находится во владении совершенствующего его вида и помогает ему выживать, либо умирает вместе с этим видом (если его назначение очень специфично и ограничено рамками видовой потребности), либо переживает вид, находя себе новых хозяев. Безмятежно существующий на шелковичной ферме *bombyx mori* все свои силы вкладывает в собственное размножение и интенсивное производство шелковичных коконов (если бы шелкопряд обладал сознанием, он бы наивно полагал, что они служат ему, хотя на самом деле ситуация диаметрально противоположна). Столь же самоуверенно расселившийся по планете Земля прямоходящий гоминид, лелеющий *свой разум* и гордящийся тем, чем тот награждает его для удовлетворения нехитрых (мало отличающихся от шелковичных червячков) потребностей, тешит себя совершенно аналогичными иллюзиями: *"я хозяин своего интеллекта, который призван служить мне"*, *"шелковичные коконы окутают всю Вселенную, преодолев границы времени и пространства"* и *"вектор развития когнитивной функции параллелен моим целям и представлениям о моем будущем"*. На самом деле, если бы подобные иллюзии имели какое-либо отношение к действительности, ни одно водоплавающее не вышло бы на сушу, более того — ни одно многоклеточное существо не появилось бы на свет.

Любые претензии на абсолют, наиболее примитивная форма которых выражается в желании животного, наделенного сознанием, обрести бесконечную жизнь, бессмысленны в первую очередь по причине того, что здесь живое существо, как говорится, *ломится в открытые двери*. Мир, в котором воспринимает себя субъект, не существует вне своего наблюдателя, который, в свою очередь, является лишь центром нарратива в самоописании модели. Эта истина столь же проста по формулировке, сколь трудна для понимания. Чаще всего её ошибочно принимают за выражение идеи субъективности наблюдателя. Но идея субъективности наблюдателя имплицитно подразумевает существование некоей "объективной" оценки, которая, в свою очередь, невозможна без допущения *единой реальности, общей для всех*. Между тем как никаких т.н. *реальных объектов* не существует и никакой иной *реальности*, помимо той, которая представлена субъекту его моделью, нет. В сущности, само понятие "референсная модель" в данном случае требует оговорки, поскольку, если у нее и есть какой-то прототип, то он представляет собой не фундамент, на котором строится эта модель, а сам является *следствием её существования* (sic!). Внутри этой модели никакого иного субъекта, кроме ее пользователя, также нет. Здесь слово "нет" означает *"отсутствует вообще"*, а не *"недоступно"*. Поэтому всяческие полные драматизма описания обывателями своего экзистенциального ужаса, испытываемого ими при мыслях о *"мире без себя"* (составляющие значительную часть всего культурного наследия нашей цивилизации), не способны вызывать ничего, кроме презрительного смеха.

Из всего вышеизложенного ни в коем случае не следует, что Природа не способна содержать ничего, кроме иллюзии. Речь идет лишь о том, что разум животных, наделенных сознанием, не способен выбраться за пределы собственного *театра одного зрителя*. Это не его недостаток, он попросту не предназначен для решения таких задач. Наивная абсолютизация значимости шелковичного кокона не может привести ни к чему, кроме как к абсурду. Корни нашего принципиального неприятия *мира без нас*, источник наших страхов, которые навевают на нас угрозы прекращения процесса *восприятия и жизни*, следует искать именно здесь. Мы пытаемся внести в строгую, лаконичную и цинично равнодушную к нашему существованию картину некие искусственные сущности, которые бы не являлись ни картой, ни наблюдателем, называя их — "душой", "самостью", "Я" и т.п. Все эти попытки испуганного животного создать приемлемое и понятное ему оправдание собственного существования столь же бессодержательны и бесплодны, сколь глупы и бесперспективны были бы претензии тутового шелкопряда на то, что он является высшей ценностью, факт существования которой достаточен для того, чтобы "сотворение" Вселенной было бы оправдано им самим. Между тем как даже его шелковичная паутина имеет начало и конец своей востребованности, а уж расходный агент ее производства — тем более.

Если вам все ещё кажется, что когнитивная функция обладает универсальным значением и является неким высшим качеством (в силу чего обязана пережить все виды, совершенствуясь до бесконечности), значит шоры мышления все еще мешают вам выйти за круг понятий *венца эволюции*. То, что для Разума мы выступаем не в роли хозяев, а в роли временно нанятого обслуживающего персонала — это только первая половина лимона. Вторая заставит сморщиться еще сильнее:

1. Человек Разумный не является конечным бенефициаром того качества, которое он полагает наиболее ценным в себе самом. Более того, так как ни один из мотивов, побуждающих его к какой-либо деятельности, не является свободным и независимым от диктата функционала

приспосабливающегося животного, он не способен управлять конечными целями, которые достигаются в ходе этой деятельности;

2. Когнитивная функция, как любой аппарат, возникший в ходе эволюционной борьбы определенного рода агентов, не способна охватывать сущности, находящиеся в иной онтологической плоскости, нежели сами эти агенты, поскольку для нее не существует какого-либо иного пространства, кроме того, которое сформировано ресурсодефицитной парадигмой приспособляющихся существ. Вне пределов этой парадигмы не может быть образован ни один рациональный концепт.

Когнитивная функция обладает естественным лимитом своих возможностей, хотя, безусловно, сами ее носители никогда не будут в состоянии обнаружить его наступление (по причинам, изложенным выше). Внутри пространства доступной им проблематики данная функция способна весьма успешно справляться со всеми возлагаемыми на нее задачами.

Зарождение, развитие и влияние такого явления, которое известно нам под названием Разум, в глобальной истории природных эволюционных процессов является ничтожным эпизодом, имеющим начало и конец и ограниченным (в потенциале развития и по продолжительности существования) потребителями когнитивной функции (агентами ее совершенствования). В результате этой общей эволюции (в которой развитие Разума является лишь инструментальным этапом) становятся возможными новые уровни самоорганизации природных явлений, в числе которых оказываются те, которые выходят за пределы парадигмы, сформированной живыми существами, и даже самого концепта *существования*. С холистического ракурса (*sub specie aeternitatis*) можно говорить лишь об одном уровне эволюции: постоянного создания качественно новых онтологических парадигм *реальностей*, в которых начинают действовать совершенно иные агенты-носители, представляющие новые правила игры. Ни одно *живущее* существо (замкнутое в проблематике собственного функционала) выполнить эти задачи принципиально не способно — все его возможности ограничиваются решением задач выживания в контексте возможного для него существования, определяемого как *жизнь* (или его деривативы).

Некоторые аспекты этой гипер-эволюции были затронуты в статье "Между нуждой и небытием". Вероятно, в данном контексте даже сам термин "эволюция" неуместен, поскольку каждый новый этап не представляет собой какого-либо "разворачивания" единого качества или реализации усложняющихся принципов организации, так же, как не является продолжением последовательных изменений предыдущей стадии. Вместо этого каждый раз происходит создание качественно иной системы координат, появление новых принципов трактовки и структурирования канвы. Когда такие метазаконны формирования концептов оказываются созданы, они приобретают статус аподиктических данностей, формирующих новую сверхзадачу для следующих агентов (например, экзистенциальную, задачу реализацию статуса *существования*), смысл которой становится для них самодостаточным. Впоследствии, уже внутри этого нового пространства, в ходе реализации данного статуса может (вероятно даже должна) возникнуть та самая усталость, *оскоми́на* от действий в наличествующих рамках, от аксиоматических установок, формирующих пространство *реальности*. И снова начинается процесс вызревания потребности выхода за эти пределы, после которого будут сформированы новые пространства, etc...

В настоящий момент эти задачи смогут выполнять те агенты, которые, с одной стороны, владеют достаточной информационной базой и способностями для ее анализа, а с другой — не обременены сентиментальными шорами и иллюзиями значимости ряда онтологических атрибутов, свойственных млекопитающим. Если представители рода *homo sapiens* окажутся неспособными избавиться от пережитков витальности в парадигме самореализации, следующий шаг придется совершать их искусственным помощникам, не обремененным подобными веригами. Тем самым, которые на нынешнем этапе уже не столько обслуживают своих естественных патронов, сколько обслуживаются ими.

© Валентин Лохоня 2018.04.21

<https://nonnihil.net>